

ская и т. д. Имеет радикализм и политическое измерение, его сторонники исповедуют быстрые и решительные преобразования в политической сфере, причем методами служат реформы. В определенной мере они выходят за рамки традиционных реформаторских практик, являясь в этом смысле чисто политическими решениями и угрожая на первоначальном этапе политической и социальной стабильности. Опасность заключается только в неготовности общества к преобразованиям.

Экстремизм можно определить не только как часть политического радикализма, но и как самостоятельный феномен. Сознательно опускаем содержательный аспект, поскольку он может быть абсолютно разным, от правых взглядов до левых. Ключевой характеристикой, по которой в реальном политическом процессе субъектов социально-политической жизни можно разделить на радикальные и экстремистские, является именно уровень опасности методов их деятельности для общества и государства.

Примечания

- ¹ Словарь иностранных слов. URL: <http://poiskslov.com/word/радикализм> (дата обращения: 14.02.2012).
- ² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://www.>

efremova.info/word/radikalizm.html (дата обращения: 14.02.2012).

- ³ Словарь иностранных слов.
- ⁴ Фридман Ю. Что такое политический радикализм. Ответы на опрос журнала «Полярная звезда». URL: http://www.zvezda.ru/politics/2002/11/14/radicalism_2.htm (дата обращения: 19.02.2012).
- ⁵ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Рос. газ. Федер. вып. 2009. № 5022. 20 окт.
- ⁶ См., например: Закон г. Москвы от 30.09.2009 № 39 (ред. от 14.12.2011) «О молодежи», Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23.09.2010 № 1256 (ред. от 14.09.2011) «О Программе гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 годы (программа “Толерантность”»)». К сожалению, законодатели Саратовской области не видят подобной проблемы в обществе, о чем свидетельствует закон «О молодежной политике в Саратовской области» и др.
- ⁷ См.: О противодействии экстремистской деятельности (с изм. и доп.): федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.
- ⁸ См.: Смертин А. Н. Радикализм как политическая традиция в истории России // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2007. № 12. С. 153.

УДК 323.3

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ИДЕНТИФИКАЦИИ «НАРОДНОЙ» АРМИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. В. Ливерко

Саратовский государственный университет
E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

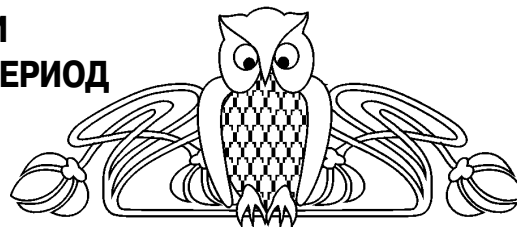
В статье рассмотрены общие характеристики и особенности политической идентичности военнослужащих в современной России. Автором выявлены имеющиеся в литературе различные трактовки структуры политической идентичности и обосновано понимание факторной обусловленности ее специфики у российских военнослужащих в контексте модернизации российской армии.

Ключевые слова: политическая идентичность, политическая идентификация, специфика политической идентичности военнослужащих.

Peculiarities of Identification Model of “People’s” Army during the Post Soviet Period

O. V. Liverko

General features and peculiarities of military citizens’ identity in modern Russia are considered in this article. The author pinpointed different approaches to the structure of political identity and explained

several factors effecting military citizens’ identity within modernization of the Russian army.

Key words: political identity, political identification, features of military citizens’ political identity.

Совместными усилиями политической и социологической науки сегодня достаточно хорошо представлена макроисторическая динамика политических идентичностей российских граждан и социальных и элитарных групп¹. Существуют модели, основанные на представлениях о базовых традициях разных социумов², об уникальных свойствах национальных менталитетов³, влиянии на политическую идентичность глобальных процессов⁴, позволяющие описывать и прогнозировать данную динамику.

Тем не менее эти модели недостаточно четко объясняют и характеризуют резкие подвижки в ценностных ориентациях субъектов политики на коротких отрезках политического процесса. Это

часто происходит при обострении конфликтов в социально-политической системе по вопросам стратегии и тактики общественного развития. В этих условиях у большинства субъектов «вдруг» возникает новая политическая идентичность и наступает кризис прежней. Яркие сторонники, например, коммунистической идеи вдруг превращаются в столь же яростных ее критиков, приверженцы абсолютной ценности гражданских прав и свобод переориентируются на консервативные ценности патриотизма и централизованного государственного управления, вполне толерантные к «чужим» граждане становятся ксенофобами. Однако такой резкий переход неизбежно сопровождается кризисом идентичности не только на уровне социальных групп, но и на внутриличностном уровне. Обусловлен он тем, что само понятие идентичности трактуется прежде всего как качество существования индивида, основанное на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твой тождество и непрерывность признаются окружающими⁵. В данном же случае происходит разрыв во времени (теряется преемственность с предшествующими поколениями) и в пространстве (групповые идентификационные маркеры начинают играть доминирующую роль по сравнению с другими социальными группами).

Такие резкие инверсии в ценностных предпочтениях специалисты обычно характеризуют как проявление неустойчивости политических идентичностей, как негативный симптом, характеризующий перспективы данного социума и государства. Но такие ценностные инверсии и расколы можно наблюдать постоянно, и они не останавливают, а часто даже ускоряют прогресс политической культуры и политической практики.

Политическая идентичность – это прежде всего результат самосознания индивида и являет собой «продукт самоидентификации на основе устойчивых социокультурных и социопсихологических критериев, отражающих социальную интегрированность и ощущение естественной включенности данного индивида в крупную, политически оформленную общность, представляющую и защищающую его разнообразные интересы»⁶.

Для теоретической характеристики таких инверсий, происходящих на небольших отрезках политического процесса, необходима теоретическая модель, не апеллирующая к «вечным» началам в политической практике и политической культуре, а концентрирующая внимание исследователя на технологической стороне ценностных инверсий, то есть модель, нацеленная на прикладное применение.

В свое время была создана физическая модель искривлений в пространстве и времени, благодаря которым в «коридорах времени» образуются «червоточины» (или порталы), позволяющие разным

материальным объектам взаимодействовать вне границ собственных временных и пространственных континуумов⁷.

Модели физической реальности ограниченно применимы для описания реальности культурной, да и у самих физиков такая модель вызывает нарекания. Еще А. Д. Сахаров, рассматривая природу гравитации, утверждал, что суть ее – в наличии большой метрической упругости, противодействующей искривлению пространства-времени всюду, кроме мест, где сконцентрировано много вещества. Поэтому существует большая упругость пространства, противодействующая его искривлению. Массы вещества не притягиваются друг к другу, а выталкиваются упругостью пространства в таких направлениях, при которых обеспечивается минимизация в нем количества участия кривизны, образуемых компактными скоплениями вещества. При этом А. Д. Сахаров отождествлял действие упругости пространства с «изменением действия квантовых флуктуаций вакуума при искривлении пространства»⁸.

Но сам принцип построения этой физической модели вполне может быть использован для построения модели искривлений в политико-культурном пространстве и времени, образования своеобразных «червоточин» в «коридорах» социально-политических идентификаций.

Такая модель позволяет образно представить механику расколов и инверсий, возникающих в ценностном поле политики. «Коридор» политических идентичностей конкретного политического субъекта составляют его ориентации на те ценности, которые он опознает в качестве эксклюзивных для своего политического самоопределения, отличающих его в лучшую сторону (в плане легитимности и функциональности) от других участников политического процесса. Ценности выглядят для стороннего наблюдателя относительно устойчивыми именно потому, что они постоянно движутся в пределах некоего «коридора», определяющего и направленность их движения в политическом пространстве и времени, и возможности взаимодействия с ценностями, движущимися в границах других коридоров.

Например, ценности патриотизма отличают политическую идентичность военнослужащих, так как именно на их основе формируется готовность переносить все тяготы службы и жертвовать собой во имя защиты своего Отечества. Этим патриотизмом военнослужащие гордятся не только потому, что осознают его особое значение для своей группы, но и в связи с его признанием со стороны других социальных групп и населения страны в целом. Формирование чувства гордости за свою народную Советскую армию лежало в основе патриотического воспитания всех граждан СССР и создавало основу для положительных идентификационных маркеров военнослужащих срочной службы («школа для настоящих мужчин», «мужское братство» и др.).

Это устойчивая ценностная ориентация, но для разных групп военнослужащих она показывает различную динамику. Для профессиональных военнослужащих она подкреплялась также и определенными статусными льготами (ранний выход на пенсию, льготы на квартиру, более высокая по сравнению со средней по стране заработная плата). Это выделяло офицеров среди других групп населения в качестве определенной элиты и делало притягательным вхождение в нее. Конкурс в военные училища был одним из самых высоких среди всех вузов. Выпускники военных училищ рассматривались как весьма завидный вариант для создания семьи многими советскими девушками (гарантированное физическое и нравственное здоровье мужа, а следовательно, и будущих детей, высокий социальный статус в обществе).

Искривления в пространственно-временном движении этого «коридора» возникают тогда, когда ценности, имеющие историческую привязку к определенной политической идеологии и практике, в условиях быстрых политических изменений приобретают трансполитичность и трансидеологичность (ценности патриотического спектра в данном случае являются показательным примером). В этих местах ценностные поля разных политических субъектов как бы соприкасаются, и возникают те самые искривления, которые далее развиваются в «червоточины». Через последние (их образование и расширение, направленность хорошо фиксируются по дискуссиям в СМИ вокруг идеологических, культурных, гражданских и иных ценностей политики, по возникающей идеологической всеядности составителей партийных программ) происходит опознание политическими субъектами своих собственных ценностей в структуре чужих политических идентичностей, а в самих «похитителях» опознаются политические союзники либо конкуренты.

В «коридорах идентичности» военнослужащих такие «искривления» стали возникать еще в период перестройки, когда руководство КПСС стало возлагать на армию несвойственные ей по статусу (народная армия для защиты Отечества от внешней угрозы) задачи по наведению порядка в различных конфликтных зонах в ряде республик СССР. В результате силовых акций подразделений Советской армии против мирных и не совсем мирных демонстраций (Алма-Ата, Ош, Сумгаит, Тбилиси и др.) возник конфликт между традиционной самоидентификацией военнослужащих и теми идентификационными маркерами, которые стали навязывать обществу представители демократических политических сил, особенно в национальных республиках («агрессоры», «жандармы», «захватчики» и др.). Кроме того, характер Советской армии, принципы ее формирования и функционирования подвергаются резкой и массивной критике в перестроечных общесоюзных СМИ. Критикуются прежде всего «дедовщина», отсутствие свободы выбора для молодых людей

между службой в армии и альтернативными возможностями. Начинается обоснование необходимости перехода к контрактной профессиональной армии.

В 1990-е гг. противоречия в идентификации Российской армии осложнились не только чеченскими событиями, но и совокупностью всех преобразований в политической и социально-экономической системе. Внедрение рыночных отношений и процессы «дикой» приватизации радикально изменили характер взаимоотношений общества и социально-политических институтов. Резкое расслоение российского социума по многим основаниям наложилось и на социально-пространственную идентификацию российской армии. Появились социальные группы («новые русские», «новая управленческая номенклатура» и др.), которые службу в армии рассматривали как несовместимую со своим статусом. Представители многих других социальных групп стали воспринимать перспективу службы своих детей как максимально нежелательную, которой нужно избегать всеми доступными средствами. Появилось понятие «косить от армии», которое уже не воспринималось в массовом сознании как девiantное поведение и не вызывало общественного порицания, так как армия уже не рассматривалась как народная. Социальный статус военнослужащего был отброшен в ранжированной иерархии социальных предпочтений с первых мест далеко за середину.

Несмотря на усиление роли государства в системе политической социализации и положительные сдвиги в военной политике в 2000-е гг., полностью изменить ситуацию не удалось. Как представляется, вернуть достойное место военнослужащим в социальной структуре России возможно не только с помощью существенного повышения их заработной платы, но и с помощью новых идентификационных маркеров восприятия армии в обществе. Их формирование возможно в той мере, в какой ведущие российские политические субъекты осознают, что прежних ценностей, наполненных старым смыслом, не вернуть, что их место должны занять новые ценности российской армии, имеющие общесоциальный и общегосударственный смысл, соответствующий политическим и социально-экономическим условиям современной России. В отношении к армии должно происходить налаживание взаимодействия конкурирующих политических субъектов в рамках образовавшейся «червоточины» для того, чтобы заполнить ее новым содержанием.

Новые ценности в отношении российской армии могут выполнить функцию своеобразных порталов в «стенках коридоров идентичностей» индивидов и социальных групп и позволят российским субъектам политики найти взаимопонимание по определению места и роли армии в обществе. В свою очередь, это даст возможность гражда-

нам страны бесконфликтно идентифицировать российскую армию и военнослужащих в едином положительном социально-статусном и культурном измерении даже в случае своего нахождения в разных политико-идеологических и партийных пространствах и включения в разные, часто разнонаправленные политические процессы.

Данная модель позволяет изучать разнообразные социальные группы именно как субъектов политики. Сложившееся традиционное политологическое понимание основывается на том, что социальная группа как субъект политики по определению может существовать только в том случае, если на нее обратит свое внимание государственная власть либо политическая партия. В результате использования предложенной модели политическая субъектность социальной группы возникает тогда, когда она проявляет активность и инициативность в выстраивании собственных идентичностей.

Предлагаемая модель позволяет использовать ее и в более широком контексте и рассматривать политическую идентичность современного российского социума не как неустойчивую и разрушающуюся, а как сложно организованную и развивающуюся систему, активно прогрессирующую, устойчивость которой обеспечивается именно различием динамики на разных ее уровнях.

Примечания

- ¹ См.: *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в постсоветской России : теория и практика. Уфа, 2008 ; *Громыко Ю. В.* Антропология политической идентичности. М., 2006 ; *Попова О. В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002 ; *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун.* М., 2006.

- ² См.: *Тихонова Н. Е.* Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // *Общественные науки и современность.* 2008. № 2. С. 5–23 ; *Хархордин О.* Проект Достоевского // *Pro et Contra.* 1997. Т. 2. № 4. С. 38–59 ; *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Культурные ценности россиян : динамика и следствие для экономического развития, М., 2009 ; *Кочетков В. В.* Цивилизационная идентичность России // *Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология.* 2006. № 3.
- ³ См.: *Трофимов В. К.* Душа России : истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск, 2010 ; *Королев А. А.* Этноменталитет : сущность, структура, проблемы формирования : монография. М., 2011 ; *Горшков М. К.* Российский менталитет в социологическом измерении // *Социс.* 2008. № 6. С. 110–114 ; *Васильева Г. М.* История европейской ментальности : учеб. пособие. Новосибирск, 2011.
- ⁴ См.: *Тренин Д.* Интеграция и идентичность : Россия как «новый Запад» / Моск. Центр Карнеги. М., 2006.
- ⁵ См.: *Эрикссон Э.* Идентичность : юность и кризис. М., 1996.
- ⁶ *Вилков А. А.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // *Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. научн.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / Редкол. : И. С. Семенов (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) [и др.]* М., 2011. С. 158.
- ⁷ См.: Альберт Эйнштейн и теория гравитации : сб. ст. / под ред. Е. Курнаского. М., 1979. С. 146–196 ; *Молчанов Ю. Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М., 2007 ; *Дубровский В. Н., Молчанов Ю. Б.* Эволюционирует ли время, пространство и причинность? // *Вопр. философии.* 1986. № 6. С. 137–144.
- ⁸ См.: *Сахаров А. Д.* Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и теория гравитации // *Докл. АН СССР.* 1967. Т. 177. № 1. С. 70–71.

УДК 327.7

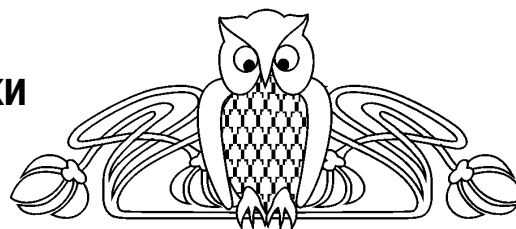
СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА БОЛЬШОЙ ДВАДЦАТКИ

П. А. Жданов

Высшая школа экономики (г. Москва)
E-mail: p.jdanov@gmail.com

В статье описывается сетевая структура G20, которая включает в себя страны-участницы, международные организации и органы Двдцатки. Сетевой подход позволяет более детально показать структурные взаимосвязи акторов и тем самым выявить роль Двдцатки в глобальном экономическом управлении. G20 рассматривается как основной узел в сети глобального управления, интегрирующий усилия ключевых акторов международных отношений.

Ключевые слова: Группа Двдцати, международные организации, сетевой подход, глобальное управление.

The Network Structure of the Group of Twenty

P. A. Zhdanov

The article describes the network structure of the G20, which includes the participating countries, international organizations and organizations and authorities of G20. The network approach allows more detail to show the structural relationship between the actors and to identify the role of the G20 in global economic governance. The G20 is considered as a key node in the network of global governance, integrating the efforts of key actors in international relations.